К-78

1338г.

ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКІЯ УСЫПАЛЬНИЦЫ ВЪ РИМѢ

И ЗНАЧЕНІЕ СДѢЛАННЫХЪ ВЪ НИХЪ ОТКРЫТІЙ

ДЛЯ БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ.

РѢЧЬ

доцента **Н. Красносельцева**

на торжественномъ собраніи Казанской духовной академіи
8 ноября 1883 года.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1883.

Пров. 1960

30189

Печатано по опредѣленію Совѣта казанской духовной академіи.
Ректоръ академіи протоіерей *А. Владимірскій.*

Фундаментальная
библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР
410
60

Взявъ на себя обязанность занять нынѣ вниманіе высокопочтеннаго собранія какимъ нибудь предметомъ изъ области своей спеціальности, я остановился на существующихъ въ Римѣ древне-христіанскихъ подземныхъ кладбищахъ или катакомбахъ, какъ на такомъ предметѣ, съ которымъ мнѣ удалось познакомиться не по книгамъ только, но и по личнымъ впечатлѣніямъ, и который, имѣя громадное значеніе для всѣхъ отраслей науки о христіанскихъ древностяхъ, имѣетъ въ тоже время и живой интересъ, не только для ученыхъ спеціалистовъ-археологовъ, не только для ученыхъ богослововъ и историковъ, но и вообще для людей образованныхъ, особенно религіозныхъ. Само собой понятно, что въ краткомъ этюдѣ, разсчитанномъ на извѣстное время, нѣтъ никакой возможности исчерпать этотъ предметъ во всемъ его объемѣ, описать всѣ памятники катакомбъ и опредѣлить ихъ значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому мы, сдѣлавъ предварительно краткій очеркъ ихъ конструктивныхъ особенностей и исторической судьбы, остановимся преимущественно на одномъ пунктѣ, менѣе затронутомъ въ наукѣ вообще

и менѣе извѣстномъ у насъ, именно: на ихъ значеніи для богословской науки.

Подземныя кладбища расположены за стѣнами Рима на разстояніи отъ одной до пяти верстъ, кругомъ, по всѣмъ дорогамъ, идущимъ отъ города во всѣ стороны на подобіе радіусовъ. Если бы всѣ онѣ имѣли между собою сообщеніе, какъ прежде предполагали, то образовали бы настоящее кольцо, сѣть безконечныхъ подземелій, окружающихъ городъ со всѣхъ сторонъ. Онѣ состоятъ главнымъ образомъ изъ длинныхъ тѣсныхъ галлерей, которыя идутъ часто на весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга, пересѣкаются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ другими такими же галлереями и вообще представляютъ собою настоящіе лабиринты, въ которыхъ безъ проводника весьма легко заблудиться. Иногда подобные лабиринты галлерей расположены одни надъ другими въ два, три и даже четыре этажа. Стѣны всѣхъ этихъ галлерей снизу до верху наполнены гробами, или лучше, тѣлами, такъ какъ гробы въ нашемъ смыслѣ у древнихъ римскихъ христіанъ не употреблялись. Для помѣщенія тѣлъ вырубались въ стѣнахъ подземныхъ галлерей такъ называемыя loculi—мѣстечки, или прямоугольныя углубленія, длиною въ ростъ человѣка. Въ эти углубленія полагались тѣла умершихъ, иногда — сообразно обычаю—съ различными принадлежностями ихъ званія и занятій и снаружи закладывались мраморными досками или черепицами, замазывались известью и обозначались приличною надписью. Надъ нижними loculi устро-

ялись, смотря по надобности, другія, все выше и выше, до самаго потолка. Разстояніе между ними, благодаря плотности каменистой почвы, было весьма небольшое, такъ что, смотря по высотѣ коридора, такихъ помѣщеній на каждой сажени можно было устроить отъ трехъ до семи. Кромѣ галлерей въ каждой катакомбѣ устроялось множество комнатъ различныхъ размѣровъ. Комнаты эти также назначались главнымъ образомъ для погребенія. Стѣны нѣкоторыхъ изъ нихъ наполнены были такими же гробничными помѣщеніями, какъ и стѣны галлерей. Въ другихъ же устроялись болѣе монументальныя гробницы, состоявшія изъ болѣе или менѣе обширныхъ, большею частію полукруглыхъ нишь, извѣстныхъ подъ именемъ аркосоліевъ (arcosolium). Подъ аркою этихъ нишь устроялись саркофагообразныя помѣщенія для одного или нѣсколькихъ тѣлъ, иногда же и прямо ставились саркофаги. Встрѣчаются комнаты иногда съ одной такой гробницей, иногда съ двумя, или тремя. Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ служили повидимому фамильными усыпальницами, другія же—усыпальницами лицъ знаменитыхъ въ церкви, или мучениковъ и служили даже мѣстами совершенія богослуженія. Большая часть этихъ комнатъ украшались, кромѣ надписей, живописью, иногда—особенно если это было мѣсто погребенія знаменитаго мученика—колоннами, сѣдалищами, мраморомъ и даже мозаикой.

Въ то время, когда всѣ эти украшенія были еще свѣжи и цѣлы, катакомбы вѣроятно далеко не имѣли такого мрачнаго и пустыннаго вида, какой имѣютъ

нынѣ. Нынѣ, когда ходишь по этимъ темнымъ и тѣснымъ коридорамъ, представляется какъ будто ходишь между безконечнымъ рядомъ отвореныхъ шкафовъ, полки которыхъ, идущія правильными рядами, когда-то были наполнены и закрыты, а теперь опустошены торопливою рукою. Мраморныя и черепичныя плиты съ надписями, заполнявшія отверстія, всѣ выломаны, большею частію совсѣмъ, рѣдко на половину; внутренность гробничныхъ помѣщеній, повидимому, тщательно обыскана, и въ нихъ ничего уже нельзя найти; изрѣдка видны двѣ три кости болѣе чѣмъ тысячелѣтней давности; онѣ часто разламываются отъ одного прикосновенія, особенно когда встрѣчаются въ нижнихъ, весьма сырыхъ этажахъ. Живописи часто разрушены и испорчены или обвалами, или позднѣйшими работами фоссоровъ (fossor), или даже излишнимъ усердіемъ ученыхъ, пытавшихся отдѣлить ихъ отъ стѣнъ и перенесть въ музеи. Нечего и говорить о различныхъ предметахъ удобоносимыхъ, каковы лампы, сосуды, монеты и т. п. Все это или вынесено въ музеи, или давно похищено различными искателями драгоцѣнностей въ прошлые вѣка и погибло безвозвратно. Цѣлыя, нетронутыя гробницы встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, развѣ въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ и малодоступныхъ. Не смотря на многочисленныя утраты и постоянное разрушеніе, катакомбы все еще продолжаютъ доставлять для изслѣдованія чрезвычайно много матеріала, часто совершенно новаго. Что было бы, если бы все, заключавшееся въ нихъ

первоначачально, цѣло было и до сихъ поръ? Можно представить себѣ, сколь громаденъ былъ бы этотъ матеріалъ, особенно, если сообразить, хотя приблизительно, всю обширность этихъ подземныхъ копей, изъ которыхъ онъ добывается! Большая часть катакомбъ весьма обширны, какъ по общему объему занимаемаго ими пространства, такъ и по протяженію и количеству ихъ галлерей. По приблизительному вычисленію итальянскихъ археологовъ [Armellini, Le catac. rom. p. 23] общее протяженіе этихъ галлерей равняется 580 километрамъ, т. е. половинѣ протяженія всего Аппенинскаго полуострова; количество же комнатъ и гробницъ едва ли можно опредѣлить даже и приблизительно.

Нѣтъ причинъ особенно удивляться, какимъ образомъ первенствующіе христіане могли создать столь громадный памятникъ. Исторія весьма удовлетворительно разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія на этотъ счетъ. Катакомбы устроялись въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій,—т. е. съ конца или половины перваго и до конца четвертаго,—устроялись христіанскимъ населеніемъ города, въ древности самаго многолюднаго. Сначала онѣ состояли изъ весьма необширныхъ, раскиданныхъ по разнымъ мѣстамъ ипогеевъ, или подземелій, находившихся во владѣніи различныхъ римскихъ семействъ и отдѣльныхъ лицъ, обратившихся въ христіанство. Нѣкоторые изъ этихъ ипогеевъ имѣли вѣроятно даже дохристіанское или вообще языческое происхожденіе. Они были пріобрѣтены и устроены сво-

ими собственниками еще до принятія ими новой вѣры, а потомъ, съ обращеніемъ этихъ собственниковъ въ христіанство, приняли новый христіанскій характеръ. Слѣды такого именно происхожденія нѣкоторыхъ христіанскихъ усыпальницъ сохранились и до сихъ поръ, хотя ихъ и весьма трудно уже различить. Новая религія владѣльцевъ скоро и существенно измѣняла ихъ характеръ. Долго ли продолжался этотъ періодъ такъ сказать разрозненнаго существованія христіанскихъ усыпальницъ и когда онѣ сдѣлались общественно-церковною собственностію опредѣлить со всею точностію нельзя, но по всей вѣроятности періодъ этотъ продолжался не долго, не далѣе, какъ до второй половины II в. Впрочемъ, нѣкотораго рода общественный характеръ христіанскія усыпальницы приняли уже на самыхъ первыхъ порахъ своего существованія. Онѣ повидимому даже никогда не имѣли вполнѣ исключительнаго и частнаго характера и были мѣстами погребенія общими для христіанъ весьма не рѣдко и въ то время, когда находились во владѣніи частныхъ лицъ. Владѣльцы ихъ, христіане, обыкновенно устрояли въ нихъ мѣста не для себя только и своихъ родственниковъ, но и для бѣдныхъ единовѣрцевъ, совершенно чужихъ. Это было дѣломъ любви, а когда эти бѣдные были мученики, тогда это считалось даже почетною и желанною обязанностію. Нѣкоторые изъ богатыхъ христіанъ, устрояя для себя погребальные склепы, иногда предлагали въ нихъ мѣста своимъ единовѣрцамъ даже какбы официально, посредствомъ надписей.

Существуетъ наприм., такая надпись, относимая археологами къ I вѣку: „Антоній Реститутъ устроилъ ипогей для себя и своихъ, вѣрующихъ въ Господа“ (sibi et suis fidentibus in Domino). Другая надпись гласитъ: „устроилъ это мѣсто для всѣхъ братьевъ“ (hunc locum cunctis fratribus feci). Во второй половинѣ II в. усыпальницы изъ частныхъ рукъ перешли во владѣніе церкви. Полагаютъ, что первою общественно-церковною усыпальницею была та самая, которая съ древнѣйшаго времени называется усыпальницею Каллиста, и которая въ теченіе всего III в. была офиціальною усыпальницею римскихъ епископовъ. Но вскорѣ, а можетъ быть и одновременно, сдѣлались церковными и нѣкоторыя другія усыпальницы. По крайней мѣрѣ въ началѣ III в. при папѣ Зефиринѣ (202—218) оказалась уже надобность дать усыпальницамъ, принадлежавшимъ церкви правильную организацію и опредѣлить для управленія ими особаго администратора. Управленіе ими поручено было этимъ папою діакону Каллисту, бывшему впослѣдствіи папою послѣ Зефирина (218 — 223). Пятый преемникъ Зефирина Фабіанъ (236—250) распредѣлилъ завѣдываніе усыпальницами уже между нѣсколькими діаконами и приказалъ построить многія зданія въ усыпальницахъ, т. е. небольшія часовни для богослужебныхъ собраній и помѣщенія стражи. Очевидно къ этому времени не только увеличилось количество церковныхъ усыпальницъ, но осложнился также и сдѣлался болѣе торжественнымъ погребальный культъ, средоточіемъ котораго они

были, что̀ и вызвало построеніе зданій. Во времена Фабіана такихъ зданій построено было много; остатки ихъ существуютъ и до сихъ поръ. Вообще, до второй половины III в. усыпальницы развивались совершенно свободно: онѣ были неприкосновенны и находились подъ покровительствомъ закона, хотя сами владѣльцы ихъ, христіане, и преслѣдовались. Въ глазахъ закона это были мѣста священныя, loci religiosi; профанація ихъ наказывалась строго: ссылкою in metallum, т. е. въ рудники, въ каторжную работу. Поэтому, христіане въ то время рыли подземелья для своихъ покойниковъ не потому, что боялись устроять гробницы на поверхности земли, не потому, что хотѣли скрыть отъ язычниковъ могилы своихъ братьевъ по вѣрѣ и предо̀хранить ихъ такимъ образомъ отъ профанаціи, даже не потому, что хотѣли приготовить себѣ мѣсто для укрывательства на случай преслѣдованія, а потому, что такой способъ погребенія казался имъ болѣе сообразнымъ съ ихъ религіозными убѣжденіями и болѣе удобнымъ. Они слѣдовали обычаю, который былъ извѣстенъ въ Римѣ еще до появленія тамъ христіанской религіи, обычаю, который практиковался въ Италіи и прежде и который особенно распространенъ былъ на востокѣ, откуда пришло въ Римъ и само христіанство. Впрочемъ, что касается того, что христіане при устройствѣ своихъ подземныхъ усыпальницъ могли разсчитывать найти въ нихъ убѣжище отъ гоненій, то это можно еще считать вѣроятнымъ, но только до нѣкоторой степени: объ этомъ

можно догадываться на основаніи того, что они въ періоды гоненій пользовались неприкосновенностію своихъ усыпальницъ для составленія въ нихъ богослужебныхъ собраній. Это было извѣстно язычникамъ и весьма ихъ озлобляло. Около 202 г. въ Африкѣ поднявшаяся противъ христіанъ чернь, зная о такихъ собраніяхъ, но не осмѣливаясь нарушить законъ о неприкосновенности гробницъ (areae), требовала чтобы относительно христіанъ законъ этотъ былъ отмѣненъ: areae non sint. Римское правительство, всегда слишкомъ высоко ставившее свои древніе законы и обычаи, повидимому, не обратило въ то время никакого вниманія на эти крики черни. Но спустя 50 лѣтъ рѣшилось наконецъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія: эдиктомъ Валеріана 257 г. запрещено было христіанамъ собираться въ усыпальницахъ. Хотя запрещеніе это касалось только собраній, а не погребенія, хотя оно вскорѣ было отмѣнено, однако условія существованія усыпальницъ послѣ него нѣсколько измѣнились. Съ этого времени христіане не могли уже чувствовать себя здѣсь въ безопасности и должны были наблюдать бо́льшую осторожность: явилась надобность въ устройствѣ новыхъ потайныхъ входовъ и въ уничтоженіи слишкомъ открытыхъ, старыхъ и т. п.—Работы подъ землею отъ этого впрочемъ не только не сократились, а приняли еще болѣе широкіе размѣры, такъ что и въ послѣднюю половину III в., съ Валеріана и Галліена до Діоклетіана, подземныя усыпальницы христіанъ, не смотря на обстоя-

тельства, по видимому менѣе благопріятныя, чѣмъ прежде, разростались все болѣе и болѣе. Многія изъ нихъ составляли публичную собственность церкви и управлялись церковными сановниками.—Вдругъ, въ началѣ IV в., возникло десятое, самое жестокое гоненіе и христіанскія усыпальницы едва не прекратили своего существованія. Не только былъ воспрещенъ входъ въ нихъ, но онѣ и вовсе были конфискованы. Христіане должны были ихъ бросить, едва успѣвъ завалить землею комнаты и галлереи наиболѣе важныя и священныя, испортить и завалить входы. Погребеніе въ нихъ сдѣлалось невозможнымъ: даже и папы не могли уже быть въ нихъ погребаемы. Оказалось нужнымъ искать мѣстъ погребенія или въ тайныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ, или въ нѣкоторыхъ частныхъ усыпальницахъ, не подвергшихся фиску. Такъ папы этого времени Марцеллинъ и Марцеллъ погребены были въ усыпальницѣ Прискиллы, благодаря благотворительности владѣтельницы этой усыпальницы, тоже Прискиллы. Къ счастію указанныя неблагопріятныя обстоятельства были бурею скоропреходящею. Извѣстный Миланскій эдиктъ 312 г. не только возвратилъ церкви все у ней конфискованное, но и далъ ей полную свободу, которая должна была способствовать новому разширенію усыпальницъ. Онѣ и дѣйствительно послѣ этого расширились, но не на столько, на сколько можно бы было ожидать. Вмѣстѣ съ полною къ тому возможностію явились и нѣкоторыя неблагопріятныя

обстоятельства. Рядомъ съ разширеніемъ началось и разрушеніе.

У восторжествовавшихъ христіанъ естественно явилось желаніе почтить гробницы мучениковъ устройствомъ надъ ними монументовъ, болѣе значительныхъ, чѣмъ какіе были прежде. Надъ этими гробницами они стали строить довольно значительныхъ размѣровъ базилики, при чемъ старались строить ихъ такъ, чтобы гробница мученика приходилась какъ разъ подъ престоломъ. Для прочной установки этихъ зданій нужно было срывать до значительной глубины тѣ возвышенности, въ которыхъ устроены катакомбы, и разрушать цѣлые этажи, наполненные сотнями древнихъ гробницъ. Нѣкоторыя изъ древнихъ катакомбъ даже совсѣмъ повидимому погибли подъ зданіями: такова ватиканская катакомба подъ храмомъ св. Петра и катакомба св. Люцины или Каммодиллы подъ храмомъ св. Павла. Такъ были обставлены впрочемъ далеко не всѣ священныя и историческія гробницы катакомбъ, но едва ли какая либо изъ нихъ осталась безъ передѣлокъ и новыхъ украшеній: устроены были новые, болѣе удобные входы, пробиты были люминаріи, или отверстія въ сводахъ для пропуска воздуха и свѣта; самыя комнаты, заключавшія въ себѣ знаменитыя гробницы, были расширены, украшены мраморомъ, надписями, живописями и т. п. Особенно много произведено было такихъ работъ папою Дамасомъ во второй половинѣ IV в. Работы эти измѣнили характеръ нѣкоторой части катакомбъ, но онѣ были

необходимы, какъ въ виду поддержанія ихъ, такъ и въ виду того благоговѣйнаго чествованія, предметомъ котораго онѣ сдѣлались особенно съ IV в. Съ этого времени сюда начали стекаться пилигриммы со всѣхъ сторонъ для поклоненія гробамъ мучениковъ. Нужно было дать имъ удобство удовлетворить своему набожному настроенію и принаровить подземныя комнаты къ помѣщенію бо́льшаго количества людей. — Но чѣмъ болѣе значенія пріобрѣтали катакомбы какъ мѣста поклоненія, тѣмъ болѣе теряли его, какъ мѣста погребенія. Уже съ самаго начала IV в. началъ развиваться обычай погребать мертвыхъ не подъ землею въ катакомбахъ, а на поверхности земли, преимущественно около храмовъ и даже въ самыхъ храмахъ, чему первый примѣръ подали папы. По сохранившимся памятникамъ можно приблизительно прослѣдить, какъ этотъ новый способъ погребенія, постепенно развиваясь, вытѣснялъ старый и къ началу V в. сдѣлался не только преобладающимъ, но и исключительнымъ. Послѣ 410 г. или послѣ взятія Рима Аларихомъ, встрѣчается уже только одинъ примѣръ погребенія подъ землею. Развитіе новаго обычая очевидно не могло благопріятствовать увеличенію катакомбъ. Этимъ и объясняется, почему, послѣ умиротворенія церкви, сравнительно такъ мало вырыто вновь. Впрочемъ, было и еще одно обстоятельство, не благопріятствовавшее этому увеличенію. Съ половины IV в., а можетъ быть и нѣсколько ранѣе, начала укореняться между христіанами мысль, что мученики преимущественно ходатайствуютъ за тѣхъ, кто ближе погребенъ

къ ихъ гробницамъ. Мысль эту раздѣляли даже нѣкоторые учители церкви, наприм., Августинъ. Слѣдствіемъ этого было то, что для погребенія и тѣхъ христіанъ, которые держались еще стараго обычая, не нужно было рыть новыхъ галлерей, а нужно было, по настоянію родственниковъ умершихъ, стараться отыскать мѣсто въ старыхъ галлереяхъ и какъ можно поближе къ гробамъ мучениковъ. Естественно, что отсюда происходило одно только разрушеніе. Вообще IV вѣкомъ исторія возрастанія катакомбъ оканчивается. Далѣе слѣдуетъ исторія разрушенія и забвенія.

Переставъ быть мѣстами погребенія, катакомбы продолжали оставаться предметомъ благочестивыхъ путешествій и чествованія еще весьма долгое время, до начала IX в., когда изъ нихъ вынесены были всѣ, какія можно было въ то время отыскать, мощи мучениковъ. За этотъ періодъ времени онѣ, т. е. главнымъ образомъ тѣ части ихъ, гдѣ хранились мощи мучениковъ, нѣсколько разъ подвергались осквернению и грабежу со стороны различныхъ варваровъ, появлявшихся подъ стѣнами Рима, наприм., въ 527 г. со стороны Готѳовъ, осаждавшихъ Римъ подъ предводительствомъ Витигеса, а особенно со стороны Лонгобардовъ, опустошавшихъ римскую кампанію въ половинѣ VIII в. Римское духовное правительство послѣ каждаго изъ такихъ нашествій по возможности реставрировало священныя крипты и вообще старалось всячески поддерживать ихъ, но наконецъ вынуждено было перенести кости мучениковъ въ городскія церкви и оставить усы-

пальницы на произволъ судьбы. Продолжать поддерживать ихъ не было уже побужденій. Кромѣ опасности со стороны варваровъ, имъ угрожала можетъ быть еще бо́льшая опасность со стороны самихъ католиковъ, вслѣдствіе развившейся мало по малу въ нихъ холодности и небрежности по отношенію къ усыпальницамъ. Папа Павелъ (757—767), первый рѣшившійся на перенесеніе реликвій изъ катакомбъ въ Римъ, писалъ, какбы въ оправданіе себя, что „усыпальницы не пользуются уже почитаніемъ, которое имъ подобаетъ, что онѣ дѣлаются убѣжищемъ животныхъ, преобразуются въ хлѣвы и стойла для пастуховъ и оскорбляются всякаго рода поврежденіями“. Не смотря на это, нѣкоторые изъ преемниковъ Павла дѣлали попытки вновь оживить почитаніе катакомбъ, но напрасно. Наконецъ Пасхалій I, въ началѣ IX в., затѣмъ Сергій II и Левъ IV перенесли въ Римъ изъ катакомбъ всѣ мученическія останки, какія только могли найти. Съ этого времени катакомбы были совсѣмъ заброшены и мало по малу пришли въ совершенное забвеніе. Мѣста, занимаемыя ими, перешли въ частную собственность и зазаняты были виноградниками, входы завалились и разрушились. Къ XVI в., повидимому; самая память о нихъ изчезла. Когда въ 1578 г. работники, добывавшіе песокъ въ одномъ изъ садовъ на дорогѣ Салярской, открыли одну изъ катакомбъ, то это показалось римлянамъ изумительной новостью, а Бозіо—первый ученый, посвятившій всю свою жизнь на отысканіе и изслѣдованіе катакомбъ и написавшій о нихъ

первое полное и научное сочиненіе названъ былъ „Колумбомъ Подземнаго Рима“. Какъ велико было забвеніе катакомбъ и какъ трудно было отыскать ихъ, видно уже изъ того, что самыя тщательныя розыски, сдѣланные Бозіо и многими другими учеными XVII и XVIII вв. далеко не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Мѣстоположеніе нѣкоторыхъ катакомбъ было не опредѣлено до самаго послѣдняго времени. Самыя важныя изъ катакомбъ, катакомбы Каллиста, заключавшія въ себѣ гробницы папъ III в. открыты были случайно Де-Росси только въ 1849 г.

Таковы самые главные факты изъ исторіи занимающаго насъ памятника. Это — факты самые достовѣрные, взятые не изъ письменныхъ только источниковъ, но и изъ самаго памятника. Они твердо констатируютъ самое основное положеніе, съ котораго начинается изслѣдованіе того или иного значенія всякаго археологическаго памятника, а именно: они твердо устанавливаютъ дату памятника, т. е. его древность, время его происхожденія. Изъ приведенныхъ нами фактовъ очевидно, что въ катакомбахъ нѣтъ могилы позднѣе начала V в., что въ IV в. употребленіе катакомбъ для погребенія уже значительно сократилось и что вообще катакомбы суть произведеніе главнымъ образомъ первыхъ трехъ вѣковъ и только отчасти IV в. Далѣе очевидно, что, хотя въ IV, равно какъ и въ послѣдующіе вѣка въ катакомбахъ производимы были реставраціи, разнаго рода поновленія и передѣлки, но эти реставраціи и передѣлки касались почти исклю-

30189

чительно такъ называемыхъ криптъ историческихъ, т. е. такихъ, гдѣ покоились мощи мучениковъ, или знаменитыхъ святыхъ. Реставраціи эти, замѣчательныя сами по себѣ и по своей древности, не всегда однакожъ такъ заслоняли собою древнѣйшій видъ памятника, чтобы нельзя было уже совершенно уловить хотя важнѣйшіе его черты. Что касается другихъ гробницъ, то онѣ не терпѣли ни какихъ передѣлокъ; многія изъ нихъ были въ совершенномъ забвеніи, нѣкоторыя же были завалены землею еще во времена Діоклетіана и только нынѣ выводятся на свѣтъ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Понятно, какое важное значеніе долженъ имѣть памятникъ, столь несомнѣнно подлинный и древній. Возрастъ его болѣе 1500 лѣтъ. Но не въ этомъ впрочемъ его главная достопримѣчательность, — есть памятники и гораздо болѣе древніе — а въ томъ, что онъ относится къ эпохѣ самой важной и интересной для современнаго цивилизованнаго міра. Это памятникъ той эпохи, когда закваска, брошенная Божественнымъ Учителемъ въ смѣшеніе античнаго міра привела этотъ міръ въ сильнѣйшее броженіе, когда явилась новая религія и начала обнаруживаться въ формахъ весьма разнообразныхъ, но еще несложныхъ и простыхъ. Это памятникъ той эпохи, когда только что явились и начали укореняться совершенно новыя основы для жизни, когда зарождалось новое міросозерцаніе, новыя формы быта, новое искусство и т. д. Эта эпоха весьма отдалена отъ насъ, но она не

чужая намъ. Тѣ идеи, которыя въ настоящее время представляютъ собою нѣчто безспорное, несомнѣнное, общераспространенное, нѣчто такое, что составляетъ какбы сущность нашей жизни. — суть тѣ самыя идеи, которыя въ то время только еще завоевывали себѣ право гражданства кровавою борьбою противъ укоренившейся вѣками языческой религіи и могущественнаго правительства. Понять, какъ можно глубже, эту эпоху, гдѣ скрывается источникъ самыхъ жизненныхъ нашихъ упованій и идеаловъ, представить себѣ, какъ можно яснѣе, положеніе и характеръ того небольшаго общества вѣрующихъ, которое столь героически и побѣдоносно боролось — въ сущности не за себя только, но и за насъ—что можетъ быть для насъ важнѣе? Эта важность невольно сознается всякимъ, кто не чуждъ христіанству и христіанской культурѣ: не даромъ указанная нами эпоха всегда привлекала къ себѣ самое живое вниманіе не только ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ разныхъ сторонъ христіанской религіи, но и многихъ другихъ. Недостатка въ усердіи къ изученію этой эпохи не было;—но всегда чувствовался недостатокъ въ документахъ. Вѣка прошедшіе мы обыкновенно изучаемъ главнымъ и почти исключительнымъ образомъ на основаніи письменныхъ документовъ, на основаніи сочиненій различныхъ авторовъ, современныхъ изучаемой эпохѣ, вообще на основаніи памятниковъ письменности, Отъ эпохи, насъ интересующей, такихъ памятниковъ осталось сравнительно не много, да и то, что осталось далеко не все имѣетъ

надлежащую цѣнность въ историческомъ отношеніи. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ дошли до насъ уже въ неподлинномъ и весьма поврежденномъ видѣ, другіе же, хотя и подлинны, но относительно многихъ предметовъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній, или заключаютъ въ себѣ указанія неполныя, неясныя и нуждающіяся въ провѣркѣ. Вообще памятники эти для всесторонней характеристики указаннаго времени недостаточны. При пользованіи только ими одними многія стороны жизни христіанъ остались бы совершенно неизвѣстными. Вновь открытые памятники катакомбъ оказались здѣсь весьма важнымъ пособіемъ: они не только дали незыблемый критерій для провѣрки многихъ неясныхъ и сомнительныхъ указаній письменныхъ памятниковъ, но и весьма большое количество совершенно новаго и чрезвычайно цѣннаго матеріала, открывшаго совершенно новыя главы въ исторіи первоначальнаго христіанства. Правда памятники катакомбъ неприглядны на видъ, не особенно представительны, не отличаются ни особенною красотою, ни особенной монументальностію; это не египетскія пирамиды, или обелиски съ широковѣщательными и самохвальными надписями; это темные коридоры, тѣсныя комнаты, краткія, иногда не особенно грамотныя, эпитафіи, полуразрушенныя и выцвѣтшія живописи, различные предметы частнаго быта, далеко нероскошные, чаши, кольца, лампы, медали и т. д. Но не должно смущаться скромнымъ видомъ этихъ памят-

никовъ: значеніе ихъ отъ этого не уменьшается. Въ настоящее время, когда археологія сдѣлалась наукою болѣе общеизвѣстною, чѣмъ прежде, понять это легче, чѣмъ когда либо. Предметы, находимые въ нашихъ курганахъ, гораздо менѣе значительны и еще менѣе представительны на видъ, однако въ своей совокупности они представляютъ такую обстановку древняго быта, какой на основаніи письменныхъ документовъ мы никогда не могли бы представить. Что можетъ быть, повидимому незначительнѣе предметовъ такъ называемаго каменнаго періода—этихъ кремневыхъ ножей, стрѣлъ и т. п., но кто посмотритъ полныя собранія этихъ предметовъ, тотъ легко убѣдится, что они дѣйствительно могутъ служить цѣнными документами къ возстановленію цѣлаго періода изъ жизни человѣчества, о которомъ мы безъ нихъ ничего бы не знали.—Своею содержательностію памятники катакомбъ безконечно превосходятъ все подобное. Это памятники быта народа цивилизованнаго, памятники искуства, достигшаго уже высокой степени развитія, это, далѣе, памятники письменности и памятники языка, бывшаго органомъ обширной литературы. Въ этихъ памятникахъ могутъ найти матеріалъ для изслѣдованія и филологъ, который здѣсь можетъ наблюдать формы живой рѣчи того времени и измѣненія въ словоупотребленіи подъ вліяніемъ притока новыхъ идей,—и историкъ искуства, который найдетъ здѣсь новую отрасль классической школы живописи,—и богословъ. Главную добычу вынесетъ отсюда послѣдній.

Катакомбы—памятникъ преимущественно религіозный и притомъ такой, въ которомъ религіозная вѣра, религіозное упованіе естественно должны были выразиться съ наибольшею яркостію и наибольшею искренностію. Правда темы, развиваемыя здѣсь въ многочисленныхъ надписяхъ и символическихъ живописяхъ не слишкомъ разнообразны, но зато онѣ развиты твердо и настойчиво, часто съ замѣчательнымъ глубокомысліемъ, ясностію и послѣдовательностію, такъ что не удивительно, если нынѣ придаютъ весьма важное значеніе даже догматическимъ указаніямъ разсматриваемыхъ нами памятниковъ и пытаются возстановить на основаніи ихъ цѣлое богословіе. Богословіе на основаніи живописей, часто весьма неискусныхъ и небрежныхъ, на основаніи надписей, большею частію необычайно краткихъ и темныхъ—не странное ли это мечтаніе и не излишнее ли совершенно предпріятіе? Весьма возможно, конечно, собрать въ одно всѣ указанія помянутыхъ памятниковъ и привести собранное въ систему, но къ чему это послужитъ? Можетъ ли надѣяться наука отъ такой системы чего-либо новаго, какихъ-либо новыхъ дополненій, или новыхъ аргументовъ? Богословіе первыхъ вѣковъ намъ довольно хорошо извѣстно и изъ письменныхъ памятниковъ, которые въ этомъ отношеніи во всякомъ случаѣ гораздо надежнѣе памятниковъ вещественныхъ и которые дошли до насъ все-таки въ такомъ количествѣ, что на основаніи ихъ можно составить обстоятельное изложеніе богословія того времени. Нечего и

говорить конечно о IV в. Отъ этого вѣка до насъ дошли, вмѣстѣ со многими другими, творенія всѣмъ извѣстныхъ великихъ учителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, ученіе которыхъ отличается такою полнотою и глубиною, какія едва ли кѣмъ достигались и въ послѣдующіе вѣка. Но если мы обратимся и къ болѣе раннимъ вѣкамъ, III, II и даже къ I, то и тамъ не найдемъ слишкомъ большой скудости въ этомъ отношеніи. Довольно указать на имена Климента римскаго и Игнатія антіохійскаго въ I в., на имена Иринея, Іустина, Ипполита, Оригена, Кипріана, Тертулліана—въ II-мъ и III-мъ вѣкахъ. Можно ли найти что-либо новое въ катакомбахъ сравнительно съ тѣмъ, что изложено въ сочиненіяхъ этихъ великихъ учителей? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть вполнѣ утвердительный: можно найти въ этихъ памятникахъ нѣчто новое и важное не только для историческаго богословія, но отчасти даже и для теоретическаго.

Въ самомъ дѣлѣ, ученіе, которое изложено въ сочиненіяхъ перечисленныхъ великихъ отцевъ и учителей есть ученіе такъ сказать высшихъ сферъ, есть такъ сказать maximum богословія того времени; но для того, чтобы имѣть полное понятіе о богословіи, о степени и особенностяхъ религіознаго развитія извѣстной эпохи нужно знать не только этотъ maximum, но и minimum, т. е. богословіе въ томъ видѣ, какъ оно было усвоено большинствомъ вѣрующихъ, религію въ той ея формѣ, какъ она отразилась въ

сердцахъ и умахъ массы вѣрующихъ, религію массы. Общество вѣрующихъ состоитъ не изъ однихъ людей ученыхъ, но и главнымъ образомъ изъ людей неученыхъ, простыхъ, которые однакожъ такъ же вѣруютъ, какъ и первые и наравнѣ съ первыми пользуются плодами этой вѣры. Такъ было всегда, такъ было и въ первые вѣка. Не много въ то время было ученыхъ, не много благородныхъ; болѣе было людей простыхъ, но эти простые люди вѣрили такъ же горячо. какъ и ученые и умирали за вѣру безъ всякаго колебанія. Каковы были религіозныя представленія и богословскія созерцанія этихъ людей? Какъ усвоены были и какъ представляемы были этими людьми тѣ истины, которыя проповѣдывали церковные учители по преданію отъ апостоловъ? Каково было вообще богословіе массы вѣрующихъ того времени? По существу оно конечно не должно было отличаться и не отличалось отъ богословія церковныхъ учителей, но оно необходимо должно было имѣть сравнительно съ нимъ нѣкоторыя особенности, и весьма значительныя, во многихъ другихъ отношеніяхъ. Такія особенности и дѣйствительно есть: этого нельзя не замѣтить даже при поверхностномъ обзорѣ памятниковъ. Нѣкоторыя истины повторяются въ нихъ чрезвычайно часто и настойчиво, развиваются подробно и точно, другія встрѣчаются рѣже и выражены не ясно. Нѣкоторыя изъ ученій, развиваемыхъ писателями того времени, и вовсе не встрѣчаются: очевидно онѣ мало занимали и интересовали массу вѣрующихъ. Иногда встрѣча-

ются слѣды суевѣрій, не успѣвшихъ еще исчезнуть подъ вліяніемъ новой религіи, слѣды какбы нѣкотораго двоевѣрія особенно въ формахъ, большею частію традиціонныхъ, классическихъ; встрѣчаются даже слѣды зарождавшихся ересей, и вообще множество чертъ, характеризующихъ міросозерцаніе первыхъ христіанъ со стороны его особенностей и отличій, обусловленныхъ особенностями мѣста, времени, народности, равно какъ и степенью интеллектуальнаго развитія и религіознаго воодушевленія, имѣвшихъ мѣсто въ данный моментъ. Подобныя особенности религіознаго міросозерцанія массъ и отличіе его отъ богословія людей образованныхъ, мы можемъ наблюдать и въ настоящее время, спустя 1500 лѣтъ, во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Подробное изученіе этого религіознаго міросозерцанія массы имѣетъ высокую важность не только въ историко-антропологическомъ отношеніи, но и въ историко-богословскомъ. Изслѣдованіе древне-христіанскаго періода съ этой точки зрѣнія почти еще не начиналось, главнымъ образомъ за недостаткомъ матеріала, но что такое изслѣдованіе можетъ привести къ цѣннымъ научнымъ результатамъ въ этомъ нельзя сомнѣваться. Благодаря новымъ открытіямъ въ катакомбахъ, матеріалъ для этого имѣется богатый.

Но независимо отъ указаннаго церковно-историческаго значенія этого, такъ сказать, подземнаго богословія, оно имѣетъ значеніе и само по себѣ, какъ богословіе. Памятники катакомбъ могутъ быть раз-

сматриваемы не только какъ историческій документъ, дополняющій наши свѣдѣнія о первохристіанской эпохѣ, годный для пополненія характеристики состоянія религіи и богословія въ ту эпоху, но и какъ такой документъ, который годенъ для чисто богословской аргументаціи, для доказательства многихъ богословскихъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, религіозныя истины и упованія, выраженныя въ эпитафіяхъ и живописяхъ, внушены были писавшимъ ихъ людямъ учителями церкви, хранителями преданія, преемниками апостоловъ, даже непосредственными ихъ учениками, вообще учителями, жившими въ такую эпоху, когда преданіе апостольское было гораздо свѣжѣе. Принимая во вниманіе это обстоятельство, не должны ли мы дорожить каждымъ, даже самымъ малозначительнымъ повидимому, памятникомъ той эпохи, особенно если на немъ встрѣчается какой-либо слѣдъ религіознаго вѣрованія, догматической или нравственной истины? Что касается этихъ истинъ, то когда образное, или эпиграфическое представленіе какой-либо изъ нихъ повторяется постоянно, особенно часто и настойчиво, то не значитъ ли это, что она внушаема была пастырями церкви съ особенною настойчивостію и заботливостію, что она считалась особенно важною и была особенно хорошо усвоена христіанами и уже съ давняго времени, словомъ, не значитъ ли это, что мы слышимъ здѣсь голосъ истиннаго церковнаго преданія, для всѣхъ обязательнаго? Вотъ пунктъ, съ котораго катакомбы представляются

особенно важными и интересными для богословской науки всѣхъ исповѣданій, даже и православнаго. Остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

На западѣ пунктъ этотъ оцѣненъ былъ по достоинству, какъ особенно важный, уже давно, почти тотчасъ послѣ открытія катакомбъ и появленія перваго обстоятельнаго ихъ описанія. Вслѣдствіе этого катакомбы на западѣ давно уже пріобрѣли нѣкотораго рода практически-апологетическое значеніе, а разсмотрѣніе ихъ съ этой точки зрѣнія имѣетъ уже свою исторію, довольно поучительную. Дѣло въ томъ, что открытіе катакомбъ въ концѣ XVI в. и первое изученіе ихъ въ началѣ XVII совпало съ тою замѣчательною эпохою въ исторіи западнаго христіанства, которая ознаменована жестокою борьбою католичества съ только что отдѣлившимся отъ него протестанствомъ. Борьба эта проявилась не только въ гражданскихъ войнахъ и замѣшательствахъ, но и главнымъ образомъ въ горячей полемикѣ по разнымъ пунктамъ богословія и теоретическаго и практическаго. Извѣстно, что протестанты, кромѣ нѣкоторыхъ ученій и обрядовъ, представлявшихъ собою дѣйствительное отступленіе отъ истиннаго церковнаго преданія и практики и произшедшихъ вслѣдствіе произвола и злоупотребленій римской іерархіи, отвергли много и такого, что никакъ не подходило подъ разрядъ отступленій и злоупотребленій. Таковы многіе важные пункты ученія о церкви и таинствахъ, ученія относительно храмовъ и иконъ и т. под. Отрицаніе протестан-

товъ было часто весьма произвольно, но оно сопровождалось иногда очень дѣльной критикой и вводило такимъ образомъ въ богословскую науку того времени новый, весьма плодотворный элементъ. Слѣдствіемъ было небывалое дотолѣ оживленіе въ области богословскихъ изслѣдованій, особенно патрологическихъ, историческихъ и археологическихъ. Послѣдній родъ изслѣдованій, можно сказать, даже былъ созданъ потребностями той эпохи. Оживленіе это было одинаково на обѣихъ сторонахъ: обѣ стороны выставили не малочисленные ряды замѣчательныхъ ученыхъ съ весьма цѣнными изслѣдованіями по спорнымъ вопросамъ. Вообще, полемика была хотя и страстная, но въ тоже время часто и очень серьезная; она мало у насъ извѣстна, хотя и очень любопытна и поучительна. Опорною точкою отрицанія для протестантовъ, кромѣ собственныхъ ихъ соображеній, служило между прочимъ и то обстоятельство, что объ отрицаемыхъ предметахъ въ св. писаніи и писаніяхъ древнихъ отцевъ или вовсе не упоминается, или говорится не ясно. Католики, благодаря дѣйствительной скудости письменныхъ памятниковъ, попадавшіе иногда въ затруднительное положеніе, обратили поэтому особенное вниманіе на открытіе новыхъ памятниковъ и новыхъ аргументовъ, и ихъ усилія увѣнчивались иногда значительнымъ успѣхомъ. Защита нѣкоторыхъ весьма важныхъ спорныхъ пуктовъ была обставлена католическими учеными очень удачно. Такова наприм., защита догмата о пресуществленіи у Шельстрата

посредствомъ disciplina arcana, защита католической практики относительно храмовъ и иконъ у Чампини посредствомъ археологическаго изслѣдованія самыхъ памятниковъ и др. Открытіе и изслѣдованіе катакомбъ оказывалось такимъ образомъ весьма кстати для католиковъ: для нихъ это былъ новый и весьма важный аргументъ. Не даромъ Бароній, современникъ ихъ открытія, писавшій въ то время свои знаменитыя Анналы и имѣвшій при этомъ полемическую противопротестантскую задачу, особенно заинтересовался этимъ открытіемъ. Онъ не могъ еще воспользоваться имъ для своей полемики, но можетъ быть оно внушило ему ввести въ свой трудъ многіе аргументы на основаніи вещественныхъ памятниковъ. Когда въ 1632 г. явилось первое спеціальное изслѣдованіе о подземномъ Римѣ, составленное Бозіо, посвятившимъ на это изслѣдованіе всю свою жизнь и всѣ свои силы, то оно имѣло громадный успѣхъ, а апологетическое значеніе его тотчасъ было оцѣнено. Такъ какъ сочиненіе было весьма большое и притомъ съ характеромъ чисто ученымъ и объективнымъ, то, для удобнѣйшаго его распространенія и такъ сказать утилизаціи въ пользу католичества, его начали популяризировать, сокращать и измѣнять прямо съ полемической цѣлію противъ еретиковъ протестантовъ. Явились сокращенныя и даже карманныя изданія подземнаго Рима (Roma subterranea portatilis) на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ (нѣм. изд. Баумана 1668 г.) и выдержали по нѣсколько изданій. Этотъ апологети-

ческій маневръ повидимому былъ не безплоденъ. Апологетическое значеніе памятника, составлявшаго предметъ этихъ сочиненій, не осталось безъ вліянія на противную сторону. Католическіе писатели утверждаютъ, что „чтеніе Бозіо имѣло вліяніе на возвращеніе къ католической церкви многихъ ученыхъ протестантовъ“ (Allard, Rome souterr. p. 14).

Новый памятникъ естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе и протестантовъ. Правда имъ не было доступно непосредственное знакомство съ нимъ и тѣмъ болѣе самостоятельное его изслѣдованіе; онъ былъ извѣстенъ имъ только по слухамъ и по сочиненіямъ латинянъ; тѣмъ не менѣе они сочли долгомъ заняться его критикою и опроверженіемъ построенной на немъ католической апологіи. Англиканцы Миссонъ и Бурнетъ, имѣвшіе случай быть въ Римѣ въ концѣ XVII в. отозвались о катакомбахъ, какъ о гробницахъ языческихъ, или если иногда и христіанскихъ, то произшедшихъ уже послѣ торжества церкви; относительно же эпитафій и живописей замѣтили, что онѣ въ большинствѣ поддѣланы суевѣрными монахами для того, чтобы внушить пилигриммамъ довѣріе къ реликвіямъ. Мнѣніе этихъ протестантскихъ путешественниковъ охотно было принято ихъ единовѣрцами и было ими доказываемо во многихъ сочиненіяхъ, историко-богословскихъ вообще (напр. Бансажемъ въ Hist. de l'eglise) или же въ особыхъ, спеціальныхъ. Изъ конца XVII и начала XVIII ст. извѣстно нѣсколько протестантскихъ сочиненій, на-

писанныхъ спеціально съ цѣлію, какъ можно, умалить значеніе катакомбъ. Таковы сочиненія: Ернста Киприана „О подземной церкви“ (De ecclesia subterranea. Helmst. 1699), гамбургскаго профессора Царка „Историко-богословская диссертація о катакомбахъ, или погребальныхъ криптахъ“ (Dissertatio theologico-historica de catacumbis seu cryptis sepulcralibus Lips. 1703), Френеля „О катакомбахъ“ (De catacumbis Lips. 1713). Новѣйшіе католическіе ученые, какъ напр., Де-Росси въ настоящее время смѣются надъ этими сочиненіями, написанными людьми, вовсе не изучавшими катакомбъ, и отзываются о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о нестоющихъ вниманія, какъ о такихъ сочиненіяхъ, которыя читать и опровергать было бы пустою тратою времени (perder il tempo in leggere o in confutare siffatti scritti. Roma Sott. t. I, p. 51), но не вполнѣ справедливо. Протестанты, не смотря на то, что не были непосредственно знакомы съ новымъ памятникомъ, вѣрно угадали слабую сторону аргумента, на немъ построеннаго. Они прямо и прежде всего обратили вниманіе на подлинность памятника, а эта подлинность въ то время дѣйствительно была весьма мало защищена. Католическіе ученые, изучавшіе катакомбы послѣ Бозіо, вели это изученіе безъ всякаго научнаго плана и, пользуясь вновь открытыми памятниками, повидимому не имѣли никакого понятія о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они пріобрѣтаютъ значеніе вполнѣ научныхъ документовъ. Они списывали эпитафіи, срисовывали живописи, но не заботились о

предварительномъ опредѣленіи времени ихъ происхожденія, мѣста, гдѣ они были найдены и т. п., вообще ихъ хронологіи, топографіи и подлинности. Вслѣдствіе этого, памятники, собранные учеными того времени, какъ въ то время не имѣли, такъ и теперь не имѣютъ особенно высокой цѣны и почти потеряны для науки, потому что на основаніи ихъ нѣтъ возможности дѣлать какіе-либо неоспоримые выводы. Вообще, употребленіе этихъ памятниковъ съ апологетическою цѣлію имѣло въ то время скорѣе характеръ новости и оригинальности, чѣмъ основательности. Поэтому оно вскорѣ само собою сократилось. Въ теченіе XVIII в. католики мало уже обращали на нихъ вниманія и повидимому стали постепенно ихъ забывать.

Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія стараніями Марки и Де-Росси началось внимательное изученіе катакомбъ по новому, вполнѣ научному методу. Результаты обнаружились самые прочные и самые цѣнные, а въ области богословія повторилось почти тоже самое, что и въ половинѣ XVII в. послѣ обнародованія книги Бозіо. Какъ только вышли въ свѣтъ въ 1864 и 67 г. первые два тома громаднаго труда Де-Росси—Roma sotterranea, тотчасъ начали составляться, на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ, его сокращенія и переработки, разсчитанныя на популяризацію тѣхъ особенно выводовъ знаменитаго римскаго археолога, которые такъ или иначе могутъ содѣйствовать къ поддержа-

нію различныхъ пунктовъ римско-католическаго вѣроученія. Таковы сочиненія, изданныя на англійскомъ языкѣ докторомъ Норткотомъ, на французскомъ—Аляромъ и на нѣмецкомъ—Краусомъ, всѣ подъ заглавіемъ: „Подземный Римъ“. Составители всѣхъ этихъ книгъ (или вѣрнѣе одной книги, такъ какъ французское и нѣмецкое изданія составляютъ только передѣлку англійскаго) стараются стоять на строго-научной почвѣ и воздерживаются отъ крайнихъ обобщеній и рѣшительныхъ выводовъ, но тѣмъ не менѣе полемическая тенденція проскальзываетъ въ нихъ довольно часто. Такъ Аляръ, вступивъ по этому предмету въ откровенное объясненіе съ своими читателями (предисл. ко 2-му изд.), сознается, что, по его мнѣнію, еще не наступило время дѣлать изъ археологическихъ открытій рѣшительныя заключенія, что благоразумнѣе будетъ подождать, когда онѣ разовьются въ бо́льшихъ размѣрахъ и когда фактовъ накопится больше, но въ тоже время прямо заявляетъ, что изъ этого, постепенно накопляющагося матеріала должна составиться „великолѣпная апологія католической церкви“ (magnifique apologie de l'eglise catholique) и что главныя черты этой апологіи возможно уже начертать и въ настоящее время. Такая апологія представляется ему дѣломъ самымъ желательнымъ и какбы конечною цѣлію всѣхъ археологическихъ изслѣдованій. Самъ онъ въ своемъ сочиненіи замѣтно съ особеннымъ вниманіемъ, хотя и рѣдко, останавливается на такихъ фактахъ, которые, по его мнѣнію,

благопріятствуютъ нѣкоторымъ спеціальнымъ пунктамъ католическаго вѣроученія, наприм., на надписи: Petrus, помѣщаемой иногда надъ головою Моисея, изводящаго воду изъ скалы; иногда же онъ дѣлаетъ и прямо полемическія замѣчанія на толкованія протестантскихъ археологовъ. Рядомъ съ сочиненіями, подобными указанному, явилось у католиковъ, особенно въ послѣдніе 20 лѣтъ, множество сочиненій, имѣющихъ уже спеціальною своею цѣлію защиту католицизма при помощи памятниковъ. Въ этихъ сочиненіяхъ болѣе нетерпѣливые и менѣе разборчивые апологеты всѣми силами стараются изъ массы памятниковъ подобрать оправданія по возможности для большаго количества пунктовъ католическаго вѣроученія, а особенно для тѣхъ, которые отвергаются протестантами, и для тѣхъ, которые равно отвергаются и протестантами и православными восточными христіанами, наприм. о главенствѣ римскаго епископа, о чистилищѣ и под. Такихъ сочиненій можно указать весьма много, особенно въ нѣмецкой литературѣ, наприм., М. Вольтера: „Римскія катакомбы и ихъ значеніе для католическаго ученія о церкви“ и „Римскія катакомбы и таинства католической церкви“, Грильвитцера: „Образныя представленія въ катакомбахъ, какъ свидѣтельство истинности католической церкви“, Отто: „Первые христіане надъ землею и подъ землею, или свидѣтельство о вѣрѣ, надеждѣ и любви нашей св. матери-церкви. Книга утѣшенія и ободренія для католиковъ и наученія для ихъ про-

тивниковъ", наконецъ новѣйшее сочиненіе Диполдера: „Богословіе и искуство въ первохристіанствѣ". Однѣ уже заглавія показываютъ, каковъ характеръ этихъ сочиненій. Онѣ не претендуютъ на научное значеніе, хотя и не лишены его совершенно, особенно въ отношеніи чисто апологетическомъ. Онѣ ставятъ откровенно многіе вопросы, которыхъ истинно ученые католики боятся касаться, и вызываютъ такимъ образомъ на болѣе многостороннее изслѣдованіе и критику. Основываясь на трудахъ своихъ ученыхъ единовѣрцевъ, твердо установившихъ древнія даты многихъ весьма важныхъ памятниковъ, авторы этихъ сочиненій весьма храбро приглашаютъ теперь своихъ противниковъ придти и послушать свидѣтельство камней, посмотрѣть на древнѣйшіе памятники христіанства и убѣдиться, что католическое ученіе и здѣсь уже ясно обнаруживается.

Протестантская сторона не смущается впрочемъ этимъ, иногда слишкомъ побѣднымъ тономъ католическихъ апологетовъ и въ свою очередь начинаетъ выставлять ученыхъ критиковъ и изслѣдователей, способныхъ значительно охладить поспѣшное увлеченіе. Мы назовемъ здѣсь только двухъ, особенно замѣчательныхъ: лейпцигскаго профессора Шульце и французскаго протестантскаго пастора Роле. Оба они долгое время изучали памятники на мѣстѣ и оба стоятъ на строго научной, но въ тоже время и богословской точкѣ зрѣнія. Первый изъ нихъ въ своихъ „Археологическихъ студіяхъ" и въ другой недавно вышедшей

книгѣ: „Катакомбы, ихъ исторія и монументы“, сознаваясь, что чрезъ изученіе древне-христіанскихъ памятниковъ вообще и памятниковъ катакомбъ въ частности пріобрѣтается для богословской науки новый, богатый и драгоцѣнный источникъ (ein reicher Quellenschatz), и соглашаясь со всѣми почти хронологическими данными, добытыми католическими археологами, особенно настойчиво нападаетъ на методъ, усвоенный католиками для толкованія смысла памятниковъ и такимъ образомъ иногда значительно понижаетъ догматическую цѣнность этихъ памятниковъ. Выходя изъ той мысли, что въ памятникахъ надгробныхъ всего естественнѣе искать идей и образовъ, относящихся исключительно къ погребенію и жизни загробной, онъ отрицаетъ существованіе въ этихъ памятникахъ почти всякихъ намековъ на какіе бы то ни было части богословія за исключеніемъ эсхатологіи. Критика его строга до придирчивости и невольно внушаетъ мысль о ея пристрастіи, а руководящая мысль, поставленная имъ въ основу своей критики и доведенная до крайности, приводитъ самого его не рѣдко къ страннымъ и противорѣчивымъ толкованіямъ. Болѣе безпристрастно и спокойно относится къ дѣлу французской пасторъ Роле, недавно издавшій въ двухъ громадныхъ томахъ плоды своего долголѣтняго изученія памятниковъ на мѣстѣ. Замѣчательны выводы, къ которымъ пришелъ этотъ ученый протестантъ послѣ прилежнаго и строгаго изслѣдованія. Назадъ тому 20 лѣтъ, когда катакомбы

Каллиста въ Римѣ были уже въ значительной степени разчищены, когда существовалъ въ Римѣ христіанскій Латеранскій музей и когда католики начали уже съ нѣкоторымъ торжествомъ указывать стекающимся въ Римъ пилигриммамъ и путешественникамъ на вновь открытые памятники, какъ на новое неопровержимое доказательство истинности католическаго вѣроученія, Роле напечаталъ въ Revue chretienne статью подъ заглавіемъ: „Догматъ въ римскихъ катакомбахъ“. Здѣсь онъ отнесся къ указаннымъ апологетическо-полемическимъ попыткамъ католиковъ весьма иронически. Перечисливъ всѣ почти извѣстные тогда памятники съ опредѣленными датами, онъ нашелъ, что намековъ на вѣроученіе въ нихъ заключается весьма мало, что памятники противъ нѣкоторыхъ католическихъ доктринъ даютъ несомнѣнныя доказательства ихъ неапостоличности, а противъ другихъ протестуютъ своимъ молчаніемъ, и что, наконецъ, „протестантская апологетика можетъ только выиграть отъ продолженія серьезныхъ раскопокъ въ этихъ историческихъ руинахъ, которыя придаютъ Риму столько гордости“ (Le dogme des catacombes p. 40). Очевидно съ этою мыслію—доставить выигрышъ протестантской апологетикѣ и поубавить гордости у Рима авторъ и принялся за основательное изученіе катакомбъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ въ теченіе около 20 лѣтъ съ самымъ искреннимъ, повидимому, желаніемъ истины и старался быть совершенно безпристрастнымъ, но въ концѣ долженъ былъ сознаться,

что, если катакомбы не благопріятствуютъ Риму, то не благопріятствуютъ и протестантамъ. Въ своемъ сочиненіи: „Римскія катакомбы. Исторія искусства и религіозныхъ вѣрованій въ первые вѣка христіанства“ онъ нѣсколько разъ настойчиво повторяетъ, что безпристрастное изслѣдованіе должно привести всѣ партіи къ тому убѣжденію, что „христіане катакомбъ не были ни католиками въ современномъ смыслѣ, ни протестантами, ни тѣмъ болѣе свободными мыслителями“. (Les catac. de Rome t. I, prefac. p. II, t. II, p. 375). Если такъ, то возникаетъ вопросъ: кто же были эти христіане? Развивая свою мысль, авторъ утверждаетъ, что сюда въ катакомбы должны стремиться для провѣрки своихъ титуловъ, т. е. степени правовѣрія, всѣ религіозныя христіанскія общества, но что, въ тоже время, „ни одна изъ фракцій современнаго христіанства не можетъ претендовать, что ея представленіе истины абсолютно равносильно пониманію христіанъ первыхъ вѣковъ, или что обычаи ихъ совершенно сходны“. (Ibid.). Что обычаи первыхъ христіанъ не совершенно сходны съ современными и даже что ихъ представленія религіозной истины имѣли свои особенности — съ этимъ можно согласиться; но этимъ вопросъ не разрѣшается. Здѣсь дѣло идетъ не о совершенномъ тожествѣ во всѣхъ отношеніяхъ, а только о наибольшей близости вообще и о тожествѣ основныхъ догматовъ. Если памятники катакомбъ не благопріятствуютъ ни католикамъ, ни протестантамъ, то кому-нибудь они должны же

благопріятствовать. Ужели никто въ современномъ христіанствѣ не владѣетъ уже богопреданной истиной? Авторъ какъ бы ничего не знаетъ о восточномъ православіи, но по временамъ бываетъ вынужденъ дѣлать намеки именно въ его сторону. Разсматривая символическія живописи, запечатлѣнныя иногда необыкновенною глубиною мысли и замысловатостію выраженія, онъ, наприм., говоритъ, согласно съ другими западными учеными (Байе), что „римляне не имѣли настолько мистическаго смысла, чтобы сами могли изобразить этотъ символизмъ, не получивъ вдохновенія извнѣ и именно съ востока“. Обращая вниманіе на сходство сюжетовъ западныхъ съ восточными, онъ утверждаетъ, что это объясняется не существованіемъ какого-либо общаго руководства, а тѣмъ, что „христіанство въ Римѣ, пришедшее съ востока, долгое время получало оттуда воодушевленіе“. Такимъ образомъ, памятники древняго періода катакомбъ носятъ на себѣ ясные слѣды восточнаго происхожденія, или восточнаго вліянія и суть памятники собственно восточнаго христіанства, хотя и находятся на западѣ. Христіанство, зародившееся на востокѣ и оттуда перешедшее на западъ, пріобрѣло здѣсь мѣстныя особенности только впослѣдствіи. Памятники этого первоначальнаго христіанства не должны ли поэтому особенно интересовать востокъ и не ему ли принадлежитъ здѣсь самая значительная доля выгоды?

Спустимся однако хотя въ одну изъ катакомбъ и посмотримъ сами, что это за памятники, составля-

ющіе предметъ столь многихъ прекаканій. Мы избираемъ самую важную изъ этихъ подземныхъ усыпальницъ—усыпальницу Каллиста и даже только одну часть ея—ту именно, гдѣ находится такъ называемая папская крипта, или комната, служившая мѣстомъ погребенія папъ III в. Усыпальница эта находится въ двухъ миляхъ отъ воротъ св. Себастіана по дорогѣ Аппіевой, самой знаменитой изъ римскихъ дорогъ, называемой у Тита Ливія „царицей римскихъ дорогъ“. Дорога эта была построена Аппіемъ Клавдіемъ цензоромъ въ 442 г. римской эры и первоначально доведена была только до Капуи, а потомъ Августомъ продолжена до Беневента и Бриндизи. Это былъ путь для сношеній и торговли Рима съ востокомъ. Въ древности дорога эта по обѣимъ своимъ сторонамъ на довольно далекое разстояніе была застроена великолѣпными надгробными памятниками и мавзолеями, принадлежавшими большею частію знатнымъ римскимъ фамиліямъ. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, напр., гробницы Сципіоновъ, монументъ Цециліи Метеллы сохранились до сихъ поръ и даютъ приблизительное понятіе о великолѣпіи обстановки этой дороги. Замѣчательно, что церковно-общественное христіанское кладбище, состоявшее не изъ однихъ только подземныхъ коридоровъ, но и изъ довольно монументальныхъ зданій на поверхности земли, находилось среди этихъ именно аристократическихъ памятниковъ. Нынѣ, входя чрезъ ворота на правой сторонѣ дороги съ надписью: coemeterium Cal-

listi въ обширный пустырь, когда-то занятый виноградникомъ, можно видѣть еще довольно значительные остатки зданій, построенныхъ здѣсь папою Фабіаномъ въ началѣ III в. Около одного изъ нихъ, болѣе отдаленнаго, имѣющаго видъ четырехъугольника съ абсидами на трехъ сторонахъ, находится входъ въ избранное нами отдѣленіе усыпальницы Каллиста. Нужно замѣтить, что это отдѣленіе, какъ и другія, входящія въ составъ усыпальницы, было первоначально совершенно самостоятельною усыпальницею и принадлежало вѣроятно благородному римскому семейству Цециліевъ, которое и подарило ее церкви. Участокъ (area), занимаемый этой усыпальницей, имѣлъ очень обыкновенную у римлянъ мѣру: 250 ф. въ длину и 100 въ ширину. Этимъ пространствомъ и могли только распоряжаться владѣльцы при устройствѣ здѣсь мѣстъ для своего погребенія, на землѣ ли то или подъ землею. Первоначальный планъ подземныхъ работъ здѣсь ясенъ еще до сихъ поръ. По обѣимъ длиннымъ сторонамъ четырехъугольника, какъ разъ по его границамъ, равно какъ и по одной изъ короткихъ сторонъ, шелъ длинный, узкій, непрерывный коридоръ, огибавшій такимъ образомъ узаконенное пространство. По обоимъ концамъ коридора были лѣстницы, такъ что по одной лѣстницѣ можно было спуститься, а по другой подняться, обошедши кругомъ весь участокъ. Затѣмъ, между продольными коридорами было нѣсколько соединительныхъ поперечныхъ. Одинъ изъ поперечныхъ коридоровъ, самый ближайшій къ выходу, не

доходилъ до точки соединенія съ противоположнымъ, а оканчивался въ срединѣ комнатою. Это было центральное помѣщеніе усыпальницы, гдѣ потомъ и были погребаемы папы. Первоначальныя лѣстницы, которыми оканчивались боковые коридоры, были разрушены еще во времена Діоклетіана и впослѣдствіи весьма мало употреблялись; вмѣсто нихъ въ IV в. устроена была другая въ срединѣ, прямо въ папскую крипту. Въ послѣднее время она реставрирована и служитъ для той же цѣли, какъ и въ древности. Спустимся по этой лѣстницѣ во внутренность катакомбы.

Спустившись, мы очутимся въ довольно обширномъ коридорѣ, изгибающемся на право по направленію къ папской криптѣ. Въ коридоръ этотъ, при самомъ подножіи лѣстницы, съ лѣва выходитъ комната, называемая кубикулою Дазуміи Киріаки и замѣчательная надписями, опредѣляющими возрастъ катакомбы. Въ одной изъ этихъ надписей упоминается bona femina Дазумія Киріака и весьма трогательно называется: palumba sine felle т. е. непорочной голубкой. По справкамъ оказывается, что эта Дазумія принадлежала къ знатной римской фамиліи, процвѣтавшей въ началѣ II в. Другая надпись, найденная въ этой же комнатѣ, имѣетъ даже опредѣленную дату, именно относится ко времени, когда Діоклетіанъ и Максиминъ въ 4-й разъ были консулами, т. е. къ 290 г. За комнатой Дазуміи Киріаки слѣдуетъ на той же сторонѣ коридора, на поворотѣ его, другая, дающая опредѣленныя указанія еще на большую древность. Въ ней найдены кирпичи

съ указаніемъ на время ихъ фабрикаціи — 123 г.— время Адріана. Такимъ образомъ, первое, что мы встрѣчаемъ при входѣ въ катакомбу—это указанія на ея глубокую древность, на II и III вв. Если проникнуть въ лѣвый коридоръ и потомъ въ поперечные и осмотрѣть внимательно древнюю кирпичную кладку, по мѣстамъ встрѣчающуюся, то легко усмотрѣть и еще множество такихъ указаній: кирпичи вездѣ съ марками, указывающими на царствованіе Марка Аврелія и Коммода, т. е. половину II в. Если сообразить, что кирпичная кладка произведена была не при первомъ копаніи катакомбы, а уже значительное время спустя, послѣ этого, когда она оказалась тѣсною и явилась нужда разширять ее, то легко убѣдиться, что первое происхожденіе катакомбы отодвигается еще въ большую древность. — Повернувъ отъ встрѣтившихся намъ кубикулъ на право, мы входимъ въ довольно обширное помѣщеніе съ люминаріемъ вверху. Это—вестибулъ, нѣчто въ родѣ сѣней или преддверія къ главному святилищу. Здѣсь мы встрѣтимъ указанія другаго рода, а именно, что по окончаніи гоненій, и даже во время ихъ, катакомба эта была уже мѣстомъ почитаемымъ, что сюда стекались какъ въ Іерусалимъ богомольцы съ молитвами къ мученикамъ о ходатайствѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ множество такъ называемыхъ граффитовъ, или надписей, нацарапанныхъ пилигриммами и заключающихъ въ себѣ главнымъ образомъ разныя воззванія къ святымъ, погребеннымъ въ катакомбѣ; иногда впрочемъ встрѣча-

ются воззванія и болѣе личнаго свойства, но тоже религіознаго содержанія, каковы напр. граффиты съ именемъ нѣкоей Софроніи. Въ одномъ изъ граффитовъ катакомба названа Іерусалимомъ.

Миновавъ вестибулъ и продолжая идти на право, мы увидимъ по бокамъ широкаго коридора двѣ двери—одну поближе на право, а другую подалѣе на лѣво. Мы опустимъ первую: она ведетъ въ небольшую комнату, съ живописью Орфея на потолкѣ, а направимся далѣе ко второй: это дверь въ главное святилище катакомбы. Стѣны по бокамъ этой двери тоже исписаны граффитами. Переступивъ за дверь, мы очутимся въ высокой комнатѣ, освѣщенной сверху люминаріемъ и имѣющей $3^1/_2$ метра въ ширину и $4^1/_2$ въ длину. Здѣсь-то и находились прежде гробницы папъ. Современные посѣтители при первомъ взглядѣ на эту комнату обыкновенно разочаровываются. Ожидаютъ, что войдутъ въ комнату III или IV в.; оказывается на дѣлѣ, что кладка этой комнаты вся почти современная. Когда она открыта была въ 1854 г., то оказалась вся заваленною мусоромъ доверху и проникнуть въ нее можно было только сверху чрезъ люминарій. Когда мусоръ былъ вынутъ, то сводъ рухнулъ. Чтобы предупредить совершенное разрушеніе нужно было построить новыя стѣны и укрѣпить всю комнату. Впрочемъ реставрація произведена была со всею осторожностію и со всевозможною внимательностію къ остаткамъ древности: все, что можно было сохранить изъ этихъ остатковъ, сохранено. Присмо-

трѣвшись внимательнѣе, можно еще различить древніе остатки и прослѣдить по нимъ исторію крипты. На аркѣ двери доселѣ еще замѣтны три послѣдовательные слоя штукатурки: одинъ, украшенный уродливыми арабесками VII или VIII в., подъ нимъ другой IV в. съ монограммами, а подъ этимъ третій, древнѣйшій, съ красными полосами. Стѣны самой комнаты вначалѣ были покрыты тонкою и бѣлою штукатуркою, украшенною живописью, нѣкоторые слѣды которой видны еще по угламъ. Эта штукатурка въ V в. покрыта была широкими мраморными плитами, остатки которыхъ частію замѣтны еще на стѣнахъ, частію найдены были въ мусорѣ на полу крипты. Въ глубинѣ комнаты, въ стѣнѣ противъ входа, налѣво въ углу, видна дверь въ слѣдующую затѣмъ крипту св. Цециліи; остальное же пространство, примыкающее къ этой стѣнѣ, занято было алтаремъ. Доселѣ еще сохранился мраморный помостъ, вышиною около четверти, служившій для него помѣщеніемъ. Здѣсь, въ этомъ помостѣ, видны еще четыре отверстія, въ которыя очевидно вставлены были четыре столбика, поддерживавшіе доску престола. Между престоломъ и стѣною оставалось еще достаточное пространство для горняго мѣста и каѳедры. Возвышеніе, на которомъ стояла каѳедра цѣло и доселѣ. Весь алтарь огороженъ былъ съ одной стороны сквозною мраморною рѣшеткою, а съ другой такой же высоты стѣнкою изъ мраморныхъ плитъ. Остатки рѣшетки и стѣнки тоже существуютъ. У боковыхъ стѣнъ комнаты по линіи алтаря стояло по одной витой ко-

лоннѣ. На капителяхъ ихъ лежала перекладина, которая могла служить частію для подвѣшенія лампъ, частію для завѣсы. За епископской каѳедрою помѣщалась большая гробница, а надъ нею двѣ надписи, сочиненныя папою Дамасомъ и относящіяся вообще къ святымъ и мученикамъ, погребеннымъ въ катакомбѣ Каллиста. Алтарь этотъ по всей вѣроятности устроенъ былъ уже въ V в., когда крипта обивалась мраморомъ и вообще радикально ремонтировалась, но и это весьма почтенная древность. При взглядѣ на него невольно поражаешься сходствомъ его съ обычными нынѣ у насъ алтарями. Онъ устроенъ былъ такъ, какъ устроили бы его и мы для богослуженія по православному чину. Впрочемъ главную достопримѣчательность комнаты составляютъ наполняющія ее гробницы, или лучше эпитафіи этихъ гробницъ. При очисткѣ крипты всѣ гробницы найдены были разрушенными, а надгробныя плиты съ эпитафіями папъ расколотыми. Въ мусорѣ удалось собрать значительное количество осколковъ, по сложеніи которыхъ получились четыре древнія эпитафіи, относящіяся къ гробницамъ четырехъ папъ III в.: Антероса (236 г.), Фабіана (250 г.), Люція (258 г.) и Евтихіана (283 г.). Кромѣ того найдена была крышка саркофага папы Урбана (230 г.). Эпитафій другихъ папъ, погребенныхъ здѣсь, вовсе не найдено. Но для общихъ выводовъ и соображеній достаточно и найденнаго. Замѣчательно прежде всего, что всѣ найденныя здѣсь эпитафіи — на греческомъ языкѣ. Если бы эти эпи-

тафіи принадлежали частнымъ лицамъ, то въ объясненіе можно бы предположить, что погребенные были греки по происхожденію. Но эпитафіи эти принадлежатъ предстоятелямъ церкви совершенно самостоятельной и притомъ жившимъ въ III в., когда главная масса вѣрующихъ членовъ этой церкви были латиняне. Большинство папъ этого времени тоже были, если не римляне родомъ, то вообще латиняне. Очевидно, что греческій языкъ былъ въ то время еще оффиціальнымъ языкомъ римской церкви. Фактъ этотъ очевидно свидѣтельствуетъ о самой тѣсной связи римской церкви съ церквами восточными и даже о нѣкоторой культурной зависимости отъ нихъ. А такая зависимость предполагаетъ полное отсутствіе тѣхъ претензій, которыя заявляютъ римскіе епископы нынѣ въ области церковнаго ученія. Дальнѣйшая достопримѣчательность указанныхъ эпитафій заключается въ ихъ необыкновенной простотѣ: *Αντερος επιδκοπος, Φαβιανος επιδκοπος*, и только. Къ имени прибавлено только: *επιδκοπος*, иногда еще *μαρτηρ*, и болѣе ничего. Чтобы понять все значеніе этой простоты достаточно взглянуть на тѣ монументы позднѣйшихъ папъ, которые наполняютъ современную базилику Петра въ Римѣ. Здѣсь папы—государи и епископы епископовъ, тамъ—просто епископы.

Чрезъ указанную нами дверь сбоку алтаря можно пройти въ сосѣднюю крипту св. Цециліи. Слѣдовъ древности въ ней весьма мало. Она вырыта была вѣроятно послѣ папской, а потомъ радикально

реставрирована нѣсколько разъ. Здѣсь сохранились правда живописи, но весьма поздніе отъ VII и VIII в., исполненные въ византійскомъ стилѣ, который господствовалъ въ то время и на западѣ такъ же, какъ на востокѣ. Главное значеніе крипты этой полагаютъ въ томъ, что открытіе ея подтвердило дѣйствительность существованія мученицы Цециліи, знатной римлянки, пострадавшей при Маркѣ Аврелiѣ и Коммодѣ. До этого времени ученые, какъ напр. Тильмонъ, основываясь на разныхъ несообразностяхъ въ испорченныхъ актахъ этой мученицы, считали существованіе ея миѳомъ. Теперь всѣ эти несообразности распутаны.

Обозрѣнныя нами крипты—папская и Цециліи—составляли самое главное святилище усыпальницы и самое древнее ядро ея. Онѣ пользовались особымъ уваженіемъ, часто были реставрированы, а потому потеряли весьма значительную долю своего древняго характера. Заглянемъ теперь въ тѣ закоулки катакомбъ, которые мало или вовсе не были посѣщаемы пилигриммами, находились въ забросѣ и не подвергались поновленіямъ. Въ такихъ мѣстахъ трудно встрѣтить указаніе на какого нибудь историческаго святаго, но онѣ часто сохраняютъ въ себѣ подлинные памятники, относящіеся къ древнѣйшей эпохѣ и весьма важные во многихъ отношеніяхъ. Одно изъ такихъ мѣстъ находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ криптами папъ и Цециліи. Если пройти обратно чрезъ папскую крипту въ тотъ коридоръ, который привелъ насъ къ ней и продолжать идти по нему далѣе, то мы придемъ въ

одну изъ крайнихъ галлерей катакомбы, идущихъ по границѣ продольныхъ сторонъ, о которыхъ мы упоминали, именно въ правую. Здѣсь на правой сторонѣ галлереи, какъ разъ противъ того коридора, чрезъ который мы сюда проникли, начинается рядъ комнатъ, небольшихъ, но весьма замѣчательныхъ по своимъ живописямъ. Живописи эти относятся главнымъ образомъ къ таинствамъ церкви, а потому и самыя комнаты извѣстны подъ именемъ *комнатъ таинствъ*—cubiculi dei sacramenti. Всѣхъ комнатъ 6 и всѣ онѣ, по общему убѣжденію какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ ученыхъ, относятся, если не къ концу II, то къ началу III в. Первыя три вырыты ранѣе, остальныя нѣсколько позднѣе, но промежутокъ здѣсь былъ небольшой. Живописи, украшавшія ихъ, не вездѣ сохранились въ равной степени. Въ болѣе полномъ видѣ онѣ сохранились въ двухъ: второй и третьей. Сюжетъ ихъ одинъ и тотъ же: разница только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя живописи третьей комнаты. Онѣ расположены въ такомъ стройномъ и такъ сказать систематическимъ порядкѣ, что католическіе ученые подозрѣваютъ здѣсь соображеніе не самаго художника, а какого нибудь церковнаго учителя, управлявшаго рукою художника. Живописи эти расположены здѣсь слѣд. образомъ: на потолкѣ—Добрый Пастырь; на спускѣ потолка — три сцены изъ исторіи пророка Іоны: Іона подъ тыквою, Іона, поглощаемый китомъ и Іона, извергаемый. Затѣмъ, по средней части стѣнъ помѣ-

щены слѣд. живописи и въ слѣд. порядкѣ: налѣво отъ входа, на входной стѣнѣ: Моисей, изводящій воду изъ скалы; на лѣвой боковой стѣнѣ: 1) рыбакъ, извлекающій удою рыбу изъ воды, 2) крещеніе въ той же водѣ, 3) разслабленный, несущій свой одръ; на главной стѣнѣ, противъ входа: 1) столъ съ лежащими на немъ хлѣбами и рыбою; съ одной стороны его — мужская фигура въ положеніи благословляющаго хлѣбъ, а съ другой—женская въ положеніи молитвы, 2) трапеза семи учениковъ и 3) жертвоприношеніе Исаака; на правой стѣнѣ живописей не сохранилось, но по аналогіи съ сосѣднею комнатою здѣсь должно было находиться воскрешеніе Лазаря. Какой смыслъ этихъ живописей? Не входя въ подробности толкованія, составленнаго католическими учеными и снабженнаго ими сложной обстановкой эрудиціи, мы возмемъ только главное, болѣе общепризнанное изъ того, что относится къ живописямъ на стѣнахъ. Камень, изъ котораго Моисей источилъ воду всегда означалъ Христа—*камень же бѣ Христосъ*, — отъ котораго всякій іерархъ получаетъ благодать священнодѣйствія и въ частности полномочіе преподавать благодать, возрождающую въ таинствѣ крещенія. Сцена, изображающая рыбака, есть не что иное, какъ символическое изображеніе самаго акта крещенія: рыба, поднятая на уду есть не что иное, какъ тотъ pisciculus, о которомъ говоритъ современникъ живописи Тертулліанъ, разумѣя подъ нимъ возрожденнаго водою человѣка. Слѣдующее затѣмъ изображеніе самаго акта крещенія

не требуетъ толкованія. Нужно замѣтить только, что крещеніе здѣсь изображено погружательное: крещаемый человѣкъ выводится здѣсь изъ воды за руку крещающимъ. Слѣдующее затѣмъ изображеніе разслабленнаго, получившаго исцѣленіе при купели Виѳезда, ясно намекаетъ на плоды крещенія. Такимъ образомъ, вся лѣвая стѣна относится ко крещенію. Главная стѣна, противъ входа, изображаетъ евхаристію. Первое изображеніе—столъ съ хлѣбами и рыбою есть очевидно сокращенное символическое изображеніе самаго совершенія таинства; женская фигура здѣсь обозначаетъ собою церковь—общество присутствующихъ вѣрующихъ, хлѣбъ представляютъ собою виды евхаристіи, а рыба есть символическая надпись, указывающая на реальное присутствіе здѣсь самаго Христа, на пресуществленіе евхаристическихъ видовъ въ дѣйствительное тѣло и кровь Христа. Такое употребленіе изображенія рыбы въ значеніи надписи весьма было распространено въ то время. Надпись эта въ переводѣ означала: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель. Далѣе слѣдующая живопись, представляющая учениковъ, сидящихъ за столомъ съ лежащими на немъ хлѣбомъ и рыбою и съ стоящими предъ нимъ восемью корзинами хлѣбовъ, есть живопись символико-историческая. Она тоже представляетъ собою очевидный намекъ на евхаристію, равно какъ и третья—жертвоприношеніе Исаака, который у многихъ отцовъ выставляется образомъ жертвы новозавѣтной безкровной, ибо кровь Исаака не была пролита, какъ не проливается и при совершеніи евха-

ристіи. Воскрешеніе Лазаря—символъ будущаго воскресенія въ животъ вѣчный, обусловленнаго принятіемъ евхаристіи. Остается еще фреска, помѣщенная на входной стѣнѣ на право и представляющая учителя со свиткомъ и человѣка, черпающаго воду изъ колодца. Смыслъ ея опредѣлить трудно. Но едвали ее не слѣдуетъ разсматривать, какъ поясненіе къ картинѣ, попомѣщенной на другомъ концѣ той же стѣны т. е. картинѣ Моисея, изводящаго воду изъ скалы; не заключаетъ ли и она той же мысли?

Такоово въ общихъ чертахъ толкованіе, даваемое католическими учеными указаннымъ живописямъ. Толкованіе это, основанное на тщательномъ сличеніи живописей съ писаніями современныхъ имъ отцовъ и съ вещественными памятниками, вообще въ главной своей мысли можетъ быть признано безспорнымъ. Согласны съ этимъ и нѣкоторые ихъ протестанскихъ ученыхъ, какъ Роле, но другіе, какъ Шульце, всячески стараются умалить значеніе указанныхъ живописей для ученія о таинствахъ. Шульце говоритъ, что „такъ понимать этотъ циклъ, какъ понимаетъ его Де-Росси, а за нимъ и другіе, значитъ отвергать значеніе и цѣль сепулькральныхъ представленій“ (Archäd. Stud. p. 97). Такъ какъ эта мысль объ исключительно погребальномъ значеніи встрѣчающихся въ катакомбахъ живописей есть основная мысль всего его обширнаго анализа указанныхъ живописей, то относительно ея только мы и сдѣлаемъ замѣчаніе, состоящее въ томъ, что догматическое значеніе и сепулькральное не суть вещи не совмѣстимыя. Ра-

зобранныя живописи при толкованіи, данномъ имъ Де-Росси, не теряютъ своего значенія украшеній погребальной комнаты. Въ нихъ нѣтъ ничего не сообразнаго съ назначеніемъ этой комнаты. Вся совокупность картинъ говоритъ о спасеніи и воскресеніи, о жизни вѣчной, о вселеніи умершаго среди избранныхъ (inter electos), среди святыхъ. Но чтобы попасть въ этотъ ликъ избранныхъ и святыхъ необходимо возродиться водою крещенія и сдѣлаться участниками евхаристіи. Итакъ, вся совокупность картинъ не есть ли столь умѣстное въ погребальной комнатѣ выраженіе твердой надежды вѣрующаго члена церкви на спасеніе и жизнь вѣчную? Не есть ли это символической переводъ слѣд. текстовъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. III 5); *ядый мою плоть и піяй мою кровь имать животъ вѣчный и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI 53)? Таже самая надежда и даже съ такою же комбинаціею представленій выражается и въ эпитафіяхъ. Въ извѣстной Отюнской эпитафіи говорится и о божественной рыбѣ и объ омовеніи въ божественныхъ водахъ и о яденіи и питіи евхаристіи. Эта эпитафія не единственная: подобныя же представленія встрѣчаются въ другой, извѣстной подъ именемъ Аверкія Іерапольскаго.

Если о крещеніи и евхаристіи умѣстно было говорить въ эпитафіяхъ, то почему же не умѣстно это въ надгробныхъ живописяхъ!

Таковы главнѣйшія достопримѣчательности обойденной нами катакомбы. Мы могли бы продолжить свой

обходъ и еще далѣе, могли бы пройти въ другія части усыпальницы, къ гробамъ папъ Евсевія и Корнелія, затѣмъ въ крипту Люцины, гдѣ могли бы видѣть символическое изображеніе евхаристіи еще болѣе древнее, чѣмъ указанное, могли бы, перейдя черезъ дорогу, спуститься въ катакомбу Домициллы, гдѣ нашли бы памятники отъ I в., но это завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы выйти изъ предѣловъ общаго обозрѣнія, которое только мы и имѣли въ виду. Намъ кажется, что и приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы понять, какой именно пользы можетъ ожидать православная наука отъ изученія открываемыхъ въ катакомбахъ памятниковъ, и чтобы затѣмъ пожалѣть, что православные ученые слишкомъ мало имѣютъ возможности непосредственно изучать памятники христіанской древности не только западные, но и восточные, безъ сомнѣнія еще болѣе важные.

Академія Наукъ СССР